

ОТ РЕДАКЦИИ

Современные дискуссии о табу в детской литературе, в которых все чаще звучат призывы к расширению рамок и преодолению запретов, заставляют вспомнить, когда и зачем была создана детская литература. Представление о детской беллетристике как об универсальном учебнике жизни, своего рода энциклопедии социума, где непременно должны быть представлены острые, ранее запретные, а ныне дискуссионные темы, роднит авторов и экспертов современной детской литературы с просветителями, создавшими детскую книгу как таковую и видевшими в ней прежде всего прикладной инструмент воспитания.

В художественном плане идеи педагогов XVIII в. нашли свое воплощение в жанре нравоучительной повести, представлявшей собой своего рода реестр детских пороков и добродетелей. В этом контексте история детской литературы — это история эволюции её запретных тем и изменения представлений о допустимых, недопустимых и обязательных предметах изображения в детских книгах. Дискуссия об уместных и неуместных темах в детской литературе развивалась и росла вместе с ростом самой детской литературы. Если в эпоху Просвещения авторы детских книг были едины в своем намерении научить детей добродетели, показывая им «добрые и худые примеры поведения», и ни у кого из них не возникало и мысли, что в детскую литературу может быть допущена какая-либо неудобная, спорная или провокационная тема, то уже во второй половине XIX в. критики выделяли «вредные темы», которые по их недосмотру просочились в произведения для детей, и призывали бороться с ними, а в начале XX в., напротив, требовали расширить рамки детской литературы и ввести в неё «жгучие темы общественной борьбы». Ретроспективе представлений о табу в детских книгах и детском чтении посвящены материалы рубрики «Архив».

XXI в. стал временем стремительного избавления от табу и запретов, накопившихся за предыдущее столетие. Запретные зоны сегодня одна за другой становятся вчерашними табу — появляются книги о гомосексуальности, терроризме, инцесте, наркомании, менструации и фекалиях, хотя еще не так давно трудно было представить, что подобные предметы и явления могут быть описаны

в детской литературе. В то же время какие-то темы уходят из детских книг или получают новую трактовку. Например, для детской литературы конца XVIII — начала XIX в. хрестоматийным служил сюжет о гибели героя-ребенка, который таким образом был наказан за свое непослушание, и особого сочувствия у авторов нравоучительных произведений не вызывал. Такая ситуация, с одной стороны, была обусловлена прагматикой детской литературы той эпохи, с другой — отражала реалии повседневности, когда высокая детская смертность была одним из заурядных явлений. Изменился историко-культурный контекст, изменились взгляды на цели и задачи детской литературы, изменилось и отношение к смерти героя-ребенка в книге для детей — взятый на вооружение сентиментальной литературой, этот сюжет был призван вызывать у читателя-ребенка сопереживание и слезы, а позже, трансформированный советской детской литературой в героический нарратив, служил для воспитания готовности пожертвовать собой ради служения коммунистической идее. В современной детской литературе тема смерти становится все более и более разнообразной, сохраняя в то же время традицию изображения и героической гибели героя-ребенка (чаще всего этот мотив встречается в произведениях жанра фэнтези, антиутопии, или в реалистической прозе о военных событиях), и сентиментальную традицию (как, например, в повестях Е. Мурашовой).

В отличие от темы смерти, имеющей онтологический характер, чья эволюция в качестве предмета детской литературы не определялась прямыми предписаниями и запретами (кроме, возможно, современного негласного запрета на изображение суицида), а изменялась вместе с социокультурным, идеологическим и эстетическим контекстом и зависела от изменений представлений о детстве и ребенке, многие другие темы детской литературы нередко становились объектами социального заказа. Например, политические темы — так, начиная с 1920-х гг., Гражданская война становится одной из заметных тем советской детской литературы, вспомним бестселлеры П. Бляхина и А. Гайдара В 1960–1970 гг. «герои былых времен» выходят на новый виток популярности, когда культ революционной романтики, воплощенный в фигурах «комиссаров в пыльных шлемах», по умолчанию противопоставляется культуре личности. А вот в детской литературе постсоветского периода этой темы мы практически не встретим.

Можно заметить, что социальный заказ в детской литературе реализуется одновременно по двум направлениям: легитимные темы и запретные темы, что он не столько эволюционирует, сколько посто-

янно меняется в зависимости от различных факторов, где свою роль играет и читательская мода, и общественный запрос на осмысление тех или иных тем, и идеологическая конъюнктура, и предпочтения педагогов, родителей и издателей. Результатом приложения этих подчас разнонаправленных сил является общественный консенсус в области тематики и проблематики детской литературы. Этот консенсус довольно подвижен, в чем-то спонтанен и не режиссируется вполне контролем чиновников, педагогов и родителей.

Ситуация с табуированными темами складывается по-другому. В сфере детской литературы соседствуют официальные, гласные запреты (как, например, еще критиками начала XX в. был сформулирован принцип о недопустимости порнографии в детской литературе), и табу, принятые по умолчанию — например, в современной реалистической прозе для детей и подростков практически не встречаются произведения, где бы изображалось, как ребенок убивает врага (хотя в определенные исторические периоды такой сюжет был широко представлен и в отечественной, и в мировой детской литературе), или родители убивают ребенка; нам также не удалось вспомнить ни одного литературного произведения для детей, где бы ребенок убивал своих родителей. А вот тема политических репрессий и геноцида, еще недавно бывшая для детской литературы почти полностью табуированной и цензурируемой, сегодня становится едва ли не одной из наиболее востребованных современными издателями. Обращение детской литературы к темам Холокоста, сталинских репрессий и их освещение зависит от политической обстановки в стране, от зрелости и готовности писателей говорить на прежде запрещенные темы. А готовность писателей во многом зависит от легитимности темы, т.к. тут вступает в действие механизм самоцензуры.

Однако система запретов в детской литературе формируется не только по сюжетно-тематической линии. Предметом цензурных правок часто становятся отдельные элементы тех или иных произведений. В советское время это могли быть, к примеру, религиозные мотивы, упоминания монархов, титулов, тех или иных стран и пр., в наше время — эпизоды, связанные с сексуальным опытом или физиологически проявлениями. Подобная цензура может быть реализована на разных стадиях подготовки текста — различные изменения (как лакуны, так и дописывания) вносят в текст переводчики, авторы пересказов и адаптаций, редакторы и др. Иногда эти изменения выглядят трудно объяснимыми (например, педагог и литератор О. И. Рогова, выпустившая в 1889 г. сборник сказок

Андерсена в своем пересказе, помимо ряда сокращений, связанных с любовной топикой и вставными новеллами, выкидывает из текста сказки «Ледяница» («Снежная королева») упоминание о том, что старуха-разбойница кувыркается около костра во время разбойничьего пира, и это сокращение сохраняется впоследствии и в изданиях перевода А. и П. Ганзен, вышедших в советское время), иногда их причина довольно прозрачна — как, например, в случае с повестью А. Алексина «Мой брат играет на кларнете» (1967), где в издании, выпущенном в 1984 г. в издательстве «Детская литература», изменены все детали, связанные с упоминаниями польского языка и польских реалий (польский язык превратился в «иностранные / разные языки», название ресторана «Варшава» в «Звездное небо» и др. или в случае с изданием трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» в пересказе З. Бобырь («Повесть о кольце»), вышедшей в 1990 г., где купированы все упоминания курения и связанные с этим коллизии (трубки заменены фляжками, табак — вином, курение — намерением выпить, что создает определенный комический эффект). Остракизму со стороны руководителей чтения и критиков могут быть подвержены целые жанры (как, например, это неоднократно бывало со сказкой) или литературные стили (абсурд и нонсенс в детской поэзии).

Границы некоторых табуированных сфер, с одной стороны, кажутся незыблемыми, обусловленными базовыми взглядами цивилизованного общества на природу детства, с другой — даже и такие рамки в какой-то момент начинают сдвигаться — возьмем, к примеру, вопрос о существующем по умолчанию запрете на использование в детской книге обсценной лексики. Кажется, что это запрет общепринятый и конвенциональный, однако и тут существуют нюансы. Например, Дж. К. Роулинг в заключительной книге цикла романов о Гарри Поттере («Гарри Поттер и дары смерти», 2007) вложила в уста положительной героини слово «Bitch!» и тем самым спровоцировала бурную дискуссию о недопустимости подобного приема детской литературе. Проблема запретной лексики тесно связана с проблемой перевода и культурной адаптации текстов, так как в разных языках разные слова относятся к зоне табуированных, а также с подвижностью речевых норм: например, известная фраза из заходеровского перевода «Винни-Пуха», изданного в 1960 г., «про зря вля бя с дине марш дня про зря бя бя вля», с помощью которой переводчик имитирует невежественно-графоманскую письменную речь Совы, на тот момент, по-видимому, не вызывала у издателей и читателей каких либо обсценных коннотаций,

а сегодня нередко родители выдвигают к издателям просьбу или требование переделать эту фразу так, чтобы удалить смущающее их междометие.

Таким образом, запреты и табу в детской литературе представляют собой сложное многофакторное явление, связанное с самооценкой, превентивной и карательной цензурой, реализуемой в издательском процессе. По сути дела, литературный процесс регулируется извне, но это не единственное его регулирование. Он и сам по себе состоит из постоянно обновляющихся запретов и предписаний.